

Страсти по Анджею

Анджей Вайда — самое громкое имя в польском кино и эпоха в кино мировом. На родине его объявляли и символом свободы, и великопольским шовинистом, и предателем народа, сыпавшим соль на польские раны. На пресс-конференции по поводу его предыдущей картины «Страстная неделя» даже прозвучал вопрос: сколько можно говорить о войне и о евреях, неужели вам это не осточертело?

— ...Я не хочу ничего объяснять. Что касается лично меня, однажды я понял, что не хочу больше ни сигар, ни виски, ни учить кого-то. Я хочу Страстную неделю. И всю эту литургию Страстной недели, что повторяется каждый год. И — все ее страдания.

Не может человек не верить в смысл страдания. Нельзя жить с убеждением, что только успех, удача — наш удел и смысл существования. Это величайшее заблуждение. Страдание — по нашей или чужой вине — это часть нашей жизни, делающая нас более внимательными к людям.

Ничто так жестоко не разделяет людей, как счастье одного и несчастье другого. Ежи Анджеевский, по повести которого сделан фильм «Страстная неделя», во время войны жил буквально за стеной гетто. Он все это видел своими глазами: нарядных варшавян, празднично выглядящих на Апокалипсис. Это на нашей, на моей польской совести... Я думал о «Страстной неделе» давно, с 68-го года. Но тогда вокруг этой темы было столько спекуляций. Коммунисты раздували антисемитские настроения, и мой фильм мог быть конъюнктурно ими использован. Теперь за «Страстную неделю» отвечаю только я сам.

Нас отделяют от того, что показано на экране, 53 года. Тогда в Варшаве на восемь поляков приходилось четыре еврея. Мало шансов, чтобы восемь человек могли укрыть четверых от расправы. Это — исходная точка. Дальше каждый должен оценивать ситуацию наедине со своей совестью. Это произошло в моем доме, в Польше. Правда, не мы, поляки, совершали злодеяния. Но сам факт, что они произошли в нашем доме, навсегда остается в сознании. Если обещание не будет болеть идеей искупления греха, то он повторится на каком-то новом витке. Задумайтесь о себе, о своей русской истории...

— А какие проблемы, кроме идеи искупления, можно назвать сегодня актуальными для человечества, а значит, и для кино?

— Сегодня как никогда актуальна пропасть между потребительским отношением к действительности и тем, от чего человек может быть счастливым по-настоящему. А также невозможность согласовать собственное, личное счастье со счастьем общим, вообще — с существованием других людей. Это интересная тема. Я думаю, об этом надо снимать фильмы.

— Каков тип современного героя?

— Моя молодость прошла среди людей-теней. Тогда героем становился человек, совершивший поступок, возвышающий его над другими. Сейчас героями являются те же люди, что и раньше, но они уже не так заметны. Жизнь стала труднее, потому что нас атакует страшное количество информации. Раньше мы целком отдавались в руки врача или педагога, теперь мы спорим с ними. Сегодня труднее быть отцом, или матерью, или учителем, когда для детей авторитетом становятся магазины, телевизор, кино. Труднее быть врачом, когда пациент так много знает о болезнях и лекарствах. Думаю, что эти люди — герои нашего времени.

— Что губит современного художника?

— Самое страшное для художника — поддаваться на «вымогательство» и обслуживать только интересы зрителя, чтобы фильм оправдал его ожидания. Художник, наоборот, должен добиться того, чтобы зритель попал в мир, где он никогда не был, и поверил, что этот мир имеет право на существование. Мне кажется, что многие фильмы попросту дают зрителю то, что он хочет иметь сегодня, а не то, что ему может пригодиться завтра. Поэтому сегодняшнее кино имеет гастрономический привкус.

Впрочем, все возвращается на круги своя. И сегодняшний молодой человек, может быть, увидит себя в Машеке, герое «Пепла и алмаза», который рассчитывал только на себя и на спрятанный пистолет, безотказный и неспособный обмануть. Машек, как и нынеш-

няя молодежь, искал ответ на вопрос: как жить дальше — как сбросить с себя давящий груз прошлого? Я люблю таких неуступчивых ребят, я понимаю их. И мне их жаль...

Я снял «Пепел и алмаз» в 58-м, более десяти лет спустя после событий, в нем показанных. В «Человеке из мрамора» тоже были события 50-х, а мы жили уже в 70-х. Однако эти фильмы рассматривались как современные. Современный фильм — это, по-моему, ответ на вопрос, который ставит жизнь сегодня, с помощью материала, оставшегося от прошлого. Но прошлое дает ответ на то, чем живет настоящее, по-разному. Вера в существование единственной правды является заблуждением. Именно это отличает коммунистов — они во имя единственной «правды» никого не пожалеют.

— Почему ваши герои всегда проигрывают — как поляки, как граждане, как любовники, наконец?

— Просто мои герои не мудрее своего времени. Все они переживают столкновение своей обычной человеческой природы с необыкновенной исторической судьбой польского народа. Я не сооружаю им памятников. Я отношусь к поражению как к реальности — для того, чтобы иметь возможность перешагнуть за горизонт отчаяния.

— С чем вы связываете сегодняшний кризис европейского кино?

— Фильм больше не играет роли в политическом процессе, так как все политические страсти переместились на те-

Нельзя жить с убеждением, что только успех — наш удел и смысл существования. Человек в конце XX века считает, но на пути к счастью подчас стоят другие — надо их устранить. Этот эгоизм представляет большую опасность для мира.

левидение и в газеты. Это раньше зрители приходили в кинотеатр преимущественно потому, что фильмы затрагивали актуальные проблемы. Зритель искал в кино духовной поддержки. Потом начали закрываться кинотеатры, мы потеряли аудиторию. С приходом американского развлекательного кино зрители начали постепенно прибывать. Но мы должны знать ответ на вопрос: кто сегодня приходит в кино? Приходит — молодежь, которая смотрит фильмы определенного рода, чтобы развлечься. Впрочем, у меня такое впечатление, что думающий зритель тоже скоро вернется в кино. Так что тем, кто снимает серьезные фильмы, есть на кого рассчитывать.

— Каков будет совет Анджея Вайды молодому режиссеру?

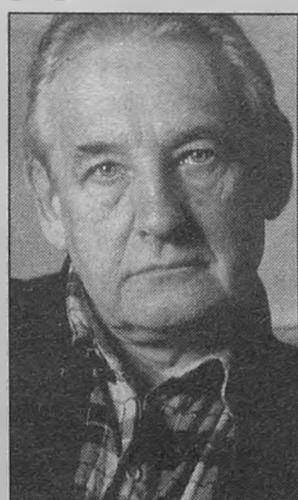
— Збигнев Герберт писал в «Пане Когито» так: «Повторяй старые человеческие заветы, сказки и легенды, ибо так ты получишь благословение, которого иначе не получишь. Повторяй заветные слова, повторяй их упорно, как те, кто шли сквозь пустыню и гибли в песках. А наградой тебе будет то, что есть под рукой — порка, смех, убийство на мусорной свалке». По-моему, это достойный путь для художника. Надо готовиться к нему.

Для режиссера нет иного пути, чем выработать в себе уверенность, что тебе есть что сказать. Начиная, человек должен быть уверен, что только с него и начнется кино. Что нет его ни Феллини, ни Бергмана, и он станет первым. Но при этом он должен и научиться брать от других. Не стоит бояться, что настоящее, большое кино повлияет на молодого режиссера парализуяюще. Нужно посмотреть эти фильмы хотя бы для того, чтобы не повторять уже сделанное.

— Что вас удручает в фильмах молодых?

— То, что я уже видел лет двадцать-тридцать назад. Художник должен иметь свою тему и свою технику, не заимствуя их у кого-то. Видя фрагмент Феллини, еще не зная даже из какого он фильма, я знаю: это Феллини. Вижу кадр и говорю: это Бергман. Фильм Тарковского, не важно, сделал ли он в Москве, или в Швеции, это фильм Тарковского. Свой мир — я думаю, в этом весь секрет искусства.

— Кто были вашими учителями?

— Мои родители: отец, погибший в Катини, и мама, она была учительницей. Главные люди моей жизни — это они. Потом мои учителя из Академии художеств в Кракове и из Школы кинематографии. Еще — великие режиссеры, чьи фильмы я смотрел. Однажды я познакомился с ними, и мы стали друзьями, но главным были не они сами, а их филь-

мы. Я начинал в кино, когда Бунюэль появился на экранах вновь после долгого молчания. Тогда же каждым фильмом делал шаг вперед Бергман. Впервые на европейских экранах появился Куросава. Чуть позже — Феллини. Кино объединило этих гигантов, и они все являлись моими учителями.

— Вы им в чем-то завидовали?

— Я всегда завидовал Бергману, потому что ему никогда не приходилось делать политические фильмы. Он имеет возможность сконцентрироваться на себе. Бергман снимает кино о мужчине и женщине, а я — о солдате и девушке.

— У вас недавно был юбилей. Что вы думали, переступая порог семидесятилетия?

— Думал, что я жил так, как хотел. И выбрал ту страну, которая выбрала меня. И выбрал ту жизнь, которая была жизнью этой страны.

— Кончается XX век. Что он принес человеку: чем обогатил и что отнял?

— XX век принес человеку свободу — поведения, выражения чувств, личную свободу. В конце этого века молодость человека продолжается и во взрослом состоянии. Когда я оканчивал гимназию, подросток, снимая школьную форму, одевался во взрослую одежду. Надо было становиться служащим, офицером, кем-то еще — и это укладывалось в структуру общества. Теперь не так. Сегодня молодежь долго носит детские вещи и долго не ищет себе работы. Да, появилось больше свободного времени, больше свободы.

Большевистская система и капитализм в определенном смысле похожи: они обещают счастье. Как только построим коммунизм — сразу будем счастливы! А при капитализме еще проще: можно быть счастливым сразу, лишь бы были деньги! Человек в конце XX века считает, что он создан для счастья. Но на его пути к счастью подчас стоят другие — нужно их устранить, избавиться от них! Этот эгоизм представляет большую опасность для всего мира. Раньше, когда я был молодым, мне казалось, что я могу быть счастливым только если и другие вокруг меня будут счастливы. Эту идею XX век перечеркнул. И я боюсь, что это не принесет ничего хорошего XXI веку.

— Пан Анджей, что вы желаете нам, русским?

— Счастья. Русским должны быть когда-нибудь счастливы. Живите не в ожидании подарка счастья, а будьте счастливы сами, любите себя. Живите в своей стране и чувствуйте, что являетесь в ней хозяевами, сами решайте, в какую сторону эта страна пойдет. В такой большой стране, как Россия, это, конечно, труднее, чем в Польше. Нам, полякам, легче понять друг друга, у нас более однородное общество.

Россия должна быть счастлива еще и потому, что только тогда будет счастьем Европа. Так как мы являемся рынком сбыта для американских продуктов, фильмов, идей и американского образа жизни.

Я хотел бы, чтобы Россия еще раз что-нибудь открыла миру. Так, как только она умеет видеть этот мир, со своим красивым отношением к человеку, как у Толстого, Достоевского и Чехова. Да и у Горького, впрочем, и даже у Гоголя. Я хотел бы именно с такой Россией встретиться. Той Россией, которая всегда восхищала польских художников, польскую интеллигенцию...

В наступающем феврале мастер представит на Берлинском кинофестивале свою новую картину «Барышня Никто».

Беседовала Олеса ФОКИНА